

Карфаген горных инженеров

Delenda est Carthago
Карфаген должен быть разрушен.
(Катон, римский сенатор 149 г. до н.э.)

Именно эта крылатая фраза Древнего Рима принята в правительстве за основу ликвидации «неэффективных» вузов России. Следует, однако, понять, почему же в те давние времена правителям Древнего Рима потребовалось обязательно разрушить Карфаген и как это соотносится с современной ситуацией в системе высшего профессионального образования России.

Обратимся немного к истории. После того, как великий полководец-карфагенянин Ганнибал в 201 г. до н.э. проиграл свое последнее сражение римлянам, Карфаген был обложен огромными репарациями на 50 лет вперед и ограничены во многих других сферах своего развития.

Но трудолюбивый и талантливый народ североафриканского государства не поддался суровым обстоятельствам и уже в 152 г. до н.э. выплатил последний платеж Риму. Экономика Карфагена при этом процветала.

В это время сенат Рима направил очередную комиссию в Карфаген. В ее состав вошел бывший цензор и аскет-сенатор Катон.

«Он увидел, что Карфаген процветает, и, вернувшись в Рим, заявил в сенате, что Карфаген снова стал угрозой. Катон достал из складок тоги ветвь фигового дерева с прекрасными плодами, привезенную из Карфагена, и сказал, что такие чудесные плоды зреют всего в трех днях пути по морю от Рима. Речь он завершил знаменитой фразой: «Другими словами, я считаю, что Карфаген должен быть разрушен»

(Бир Гейвин де; Ганнибал: борьба за власть в Средиземноморье Смоленск: Русич; 2005, с.269-270).

Вот в чем дело. Стремительно развивающаяся Римская империя боялась нарастающей мощи другого государства, и поэтому Карфагену предписывалась участь разрушения.

Вы спросите: «А при чем здесь Система высшего профессионального образования Российской Федерации? Чем же она провинилась перед своим народом, перед своим Правительством? Почему этот внутрироссийский Карфаген должен быть разрушен?»

Так же как и многие миллионы наших соотечественников, целиком и полностью подсоединяюсь к этим недоуменным вопросам. Но попытаемся внести ясность.

Система высшего профессионального образования предназначена, в основном, для подготовки квалификационных специалистов в различных секторах экономики и национальной безопасности страны. Вместе с тем эта система, как часть всей системы образования, выполняет также функцию удовлетворения потребности нашего народа в образовании.

Вспомним французских мыслителей: «После хлеба образование является первой потребностью народа». В российском народе существует поразительная глубинная тяга к образованию. И объясняется это не только меркантильными соображениями, но и внутренним пониманием того, что интеллектуальное богатство человека является более важным, чем даже материальное.

Конечно, между образованием для подготовки специалистов и образованием для удовлетворения потребности в образовании огромная разница. Она может быть меньше, когда речь идет о гуманитарном образовании, но что касается качественной подготовки технических специалистов, то это обходится государству на порядок дороже.

И поэтому планирование и реализация подготовки технических специалистов должны быть особенно строгими и хорошо управляемыми. Мониторинг и оценка эффективности – тоже. Вся система высшего технического образования тесно связана с производством и каждый технический вуз – со своим сектором производства. И основная эффективность технического вуза определяется, во-первых – потребностью реального сектора экономики в специалистах и, во-вторых – удовлетворением этой потребности как с точки зрения количества, так и качества подготовленных

специалистов. Проведенный Минобрнауки мониторинг такие очевидные истины игнорирует полностью. И потому он совершенно несостоятелен. Аргументация руководителей Минобрнауки настолько неубедительна, настолько пронизана некомпетентностью, что в головы профессионалов приходят совсем другие мысли: значит кому-то очень нужно, чтобы руководство системой образования и науки было такого низкого уровня, значит здесь действуют более мощные интересы, и разговоры о качестве образования всего лишь прикрытие.

Еще более ярко высвечиваются карфагенские намерения, когда речь идет о вузах культуры, литературы и искусства. Здесь должны быть, конечно, иные подходы к высшему образованию, но совершенно ясно, что ни один критерий, выработанный Минобрнауки для мониторинга эффективности вузов совершенно ни при чем. Разве можно оценивать деятельность профессорско-преподавательского состава (а это главное в любом вузе) по количеству квадратных метров? Разве можно оценивать эту работу с позиций, какие доходы приносит эта деятельность? И почему, собственно, профессора обязаны зарабатывать деньги на содержание государственного университета? Чтобы ответить на эти вопросы, не нужно даже заглядывать в Болонские соглашения подписанные Россией. Простой здравый смысл говорит о том, что цель государства – материальное и финансовое обеспечение деятельности университетов, а вопрос эффективности этой деятельности решается вовсе не государственным регулированием. Потребности экономики, национальной безопасности и потребности общества в развитии культуры – вот главные регуляторы развития системы высшего образования.

Слышу возмущенную реплику: «А разве Минобрнауки неведомы эти простые соображения? Разве они в своих действиях не исходят из этого?»

В том то и дело, что нет, не исходят. Институт власти как во внешней, так и внутренней системах управления университетами представляет собой в большей степени помеху, нежели орган эффективного управления их развитием. Очередным блестящим подтверждением этого тезиса является прошедшая уже некоторые этапы история национальных исследовательских университетов. Казалось бы отгремели тендеры, истрачены на приобретение оборудования и на организацию исследований

большие деньги, можно ждать весомых результатов. Но их нет и, скорее всего, не будет. Причина проста. Сословие ученых, т.е. людей с высоким уровнем знаний и научным мышлением, в сущности, очень немногочисленно. Этот фактор немногочисленности сословия ученых нещадно эксплуатируется системой административного управления наукой. Принцип «один с сошкой семеро с ложкой» в нашей науке давно устарел, потому что на одного «с сошкой» в науке приходится десятки людей «с ложкой». Немыслимое количество людей, сопровождающие научные исследования, требующих мониторинга, доказательства ценности исследования, доказательства внедрения результатов еще до начала исследования, доказательства самих доказательств, многочисленные «информации», справки, таблицы, диски, которыми обкладываются администраторы всех уровней только для того что в случае чего показать, что они всегда действовали успешно, создают невыносимую атмосферу для творческой деятельности ученого.

Я не упоминаю здесь о таком всенародном достижении как коррупция, порождающая откаты, плагиаты, компиляции, ложное соавторство и все другие проявления псевдонауки, который, конечно, собирают обильную дань с деятельности ученых.

Истинной трагедией ученых является то, что все затраты на функционирование этой, с позволения сказать, системы управления списываются на науку, т.е. собственно на исследователей. И претензии на недостаточную эффективность науки – тоже.

В условиях тотального административного управления образованием и наукой эффективность и неэффективность вуза, любой иной образовательной или научной структуры полностью определяется административным руководством и любой вуз в случае необходимости относительно быстро, в несколько итераций пройдет путь от высокоэффективного до неэффективного вуза.

Блестящий тому пример – развитие событий вокруг Московского государственного горного университета. МГГУ отличается исторически тем, что за 90 лет своего существования оказывал важнейшее влияние на развитие горного дела России как интеллектуальным трудом ведущих ученых, так и реальным управлением

горным производством через своих учеников. При выпуске горных инженеров в количестве менее 10% от общего по России и СССР количества руководителей предприятий, производственных объединений, министерств, прошедших подготовку в МГГУ, составляло 30-35 % от их общего по стране количества. Еще более высокий процент в сфере подготовки научных кадров. МГГУ в течение длительного периода выпускает до 40% от общего числа докторов наук по горным специальностям в стране. Университет занимал по этому виду деятельности первое место среди 200-т технических университетов России. И сейчас он выглядит в этой сфере деятельности намного лучше многих национально исследовательских университетов страны.

Но главное, всё-таки не количество, особенно если посмотреть на массовый выпуск докторов экономических наук, заполонивших в последнее десятилетия научное пространство России. Главное в том, что ни один из этих докторов наук, подготовленных в МГГУ, не оказался «неэффективным». Ни один. И сейчас они успешно работают во всех эшелонах горного дела России, добывая из недр Земли полезные ископаемые в таком объеме и такой стоимости, что Россия превосходит по этим параметрам на душу населения все другие горнодобывающие страны мира, включая США и Китай.

Если добавить к этому, что из 36 вузов страны, в которых осуществляется подготовка горных инженеров, профессорско-преподавательским составом МГГУ выпускается 80 % учебников и учебных пособий по горным специальностям (а подготовка учебников всегда была важнейшим показателем качества работы вуза), что десятки учебников переведены на иностранные языки и широко используются в горнодобывающих странах, то ясно, о каком уровне эффективности работы вуза идет речь.

Теперь бегло посмотрим на финансовую сторону вопроса. Сколько платят автору хорошего учебника объёмом в 25-30 печатных листов? Ничего. Сколько выручает издательство от продажи хорошего учебника. Мало. Потому что учебники по специальным дисциплинам – это не детективы, и массовым спросом не пользуются. Как защищена интеллектуальная собственность автора, вуза и России, содержащаяся в этом учебнике. Никак. Вышедший в мир оригинальный учебник

напоминает качественный товар, который выбросили на рынок для всеобщего бесплатного потребления. Потому что государственной системы защиты интеллектуальной собственности ученых и преподавателей не существует. Конечно, можно найти блестящие исключения, как и во всем. Но мы говорим именно о государственной системе защиты.

И не лучше было бы Минобрнауки задуматься и найти решения этих важнейших вопросов развития науки и образования в стране, нежели без конца мониторить и мониторить профессорско-преподавательский состав вузов, стоящей по уровню государственной оплаты своего труда на одном из самых последних мест в мире. Упреки в адрес преподавателей вузов в их «неэффективности» вследствие малой зарплаты – это явное извращение истины, так как низкие зарплаты есть следствие неэффективной деятельности государства, Минобрнауки в этой сфере, а не наоборот.

Он повторил свое «*Delenda est Carthago*».

Не все были с этим согласны.

Публий Корнелий Сципион Назика заявил:

— А я считаю, что Карфаген не должен быть разрушен. (Лэмб Гарольд. Ганнибал: один против Рима М.: ЗАО изд. Центрполиграф, 2003, 433 с.)

Публий Корнелий Сципион считал, что экономически сильный Карфаген будет способствовать развитию Рима. И ныне, спустя 2160 лет можно утверждать, что российская система высшего профессионального образования, несмотря на все ее изъяны и дефекты, будет только способствовать развитию России. Что же касается сокращения неэффективных вузов, то пусть этот процесс происходит путем естественным. Для этого даже достаточно одной меры. Дипломы выпускников не должны быть единого государственного образца. Пусть будут государственные учебные планы, пусть будут государственными аккредитация, мониторинг, надзор. Но диплом выпускника должен быть дипломом конкретного вуза, большого или малого, государственного или частного, базового или филиала. И тогда будет стимулироваться реальное стремление молодых людей получить дипломы высшего

качества, а между вузами будет реальная конкуренция в подготовке специалистов и научных кадров.

Можно назвать целый ряд других простых мер. Много и давно уже говорится о крайне неразумно выстроенной системе подготовки научных кадров, в которой количество людей, принимающих решения и контролирующих качество этих решений в несколько раз выше, чем в зарубежных университетах. В современной технически оснащенной системе оценки качества научного исследования не требуется ни громоздких диссертационных, ни экспертных советов, ни ВАКа в целом.

Но такие меры не устроят систему государственного управления, так как они просты и не требуют больших ассигнований. Система действует в обратном режиме, она должна быть сложной и обязательно дорогостоящей. Прекрасный тому пример – ЕГЭ. Еще на стадии ранних дискуссий и министру и правительству люди, хорошо знающие свое дело, говорили, что приём в вузы – это дело самих вузов. Как это и записано в Болонских соглашениях. Могут, конечно, быть выработаны некие общие правила и требования, но нельзя выстраивать целую параллельную систему организации этого несложного для самих университетов процесса. Сейчас, когда система ЕГЭ в своем саморазвитии прошла много дорогостоящих ступеней, говорят, что это на самом деле сделано для оценки деятельности школ, регионов и даже губернаторов в области образования. До таких абсурдов, кажется не доходила ни одна система образования в мире. Ясно, что качество образования обеспечивается в самих школах и именно туда, а не в Гособнадзор должны направляться государственные средства на образование народа. Жутко представить себе, что будет, если учителя и профессора сами будут определять качество образования, сами будут управлять наукой, а средства пойдут действительно на исследования и образование. Куда же денется эта многочисленная рать управленцев, менеджеров, юристов и контролеров, если система развернется на 180 градусов.

Со стороны управленцев есть серьезные возражения, да при таком подходе все деньги разворуют. Однако жизнь доказывает обратное – именно громоздкая система

управления становится главным организатором хищений, переводя их с уровня бытовой коррупции на уровень хорошо организованной преступности, и вместо преподавателя – взяточника на сцену выходят ОПГ.

Возвратимся к истории Московского государственного горного университета. Прошло уже полгода со времени выхода приказа Министерства образования и науки об объединении МГГУ-МИСИС. За это время стало очевидным, что высокие цели создания объединенного университета, направленного на организацию передовых исследований, повышение качества подготовки горных инженеров, улучшения материального положения профессорско-преподавательского состава, организации технического переоснащения лабораторий и многое другое оказывается всего лишь прикрытием истинных, мягко говоря, меркантильных целей такого «подсоединения».

Главная значимость и главная сила МГГУ заключается в том, что на протяжении всего периода своей деятельности, он являлся и является ныне важнейшей составной частью горного дела России, его интеллектуальным центром. За прошедшее пятилетие мы, хотя и деградировали в своем развитии, вследствие слабого управления и внешнего и внутреннего, однако добились решений Правительства РФ о подготовке горных инженеров. Разработаны и утверждены Федеральные государственные образовательные стандарты, на основе которых уже формируется современный корпус горных инженеров России. Эти стандарты разработаны на основе глубокого научного анализа состояния и тенденций развития мирового горного дела и являются выдающимся достижением горных специалистов МГГУ, признанным не только горным сообществом России, но и горняками ближнего и дальнего зарубежья. Многие горнодобывающие страны в условиях мирового кризиса системы высшего горного образования видят в российской системе подготовки горных инженеров и свое будущее.

К сожалению, Министерство образования и науки видит и реализует процесс объединения МГГУ и МИСИС в прямо противоположном плане. В целом, политика Минобрнауки в этом вопросе характеризуется пренебрежительным отношением не только к ученым-горнякам МГГУ, но и к горному делу страны в целом.

Это проявилось, в частности, в издании приказа Минобрнауки о «подсоединении» МГГУ к МИСИС. Не будучи хорошо проработанным ни в коллективах МГГУ и МИСИС, ни с отраслями горной промышленности России, этот приказ до сих пор является объектом острой критики со всех сторон.

Это проявилось в кадровых назначениях руководства МГГУ в этот ответственный период его истории, также несогласованных ни с горным сообществом, ни с работодателями, ни с коллективом МГГУ. Впервые в многолетней истории МГГУ на должность и.о. ректора на длительный переходный период назначен неспециалист в области горного образования и горного дела в целом. Для технического университета столь четкой направленности на горное производство это недопустимо по определению. Тогда зачем же это сделали?

Ларчик открывается просто. И.о. ректора, не замеченный в горном деле, замечен в частном бизнесе. Он является совладельцем семейного ресторана, VIP-бани и еще каких-то там структур. Следовательно, он обладает бизнес-мышлением, основой которого является извлечение прибыли любым путем. И этот менталитет прямо противоположен менталитету научному, основой которого является поиск наилучших решений во всем, поиск истины.

Рассуждая шире, мы поймем и действия Минобрнауки. Территория и недвижимость МГГУ, стоимость которых исчисляется миллиардами долларов, представляет собой широкое поле для деятельности бизнес-структур, которые и управляют не только руководителями Минобрнауки, но и обладают мощным влиянием на действия Правительства, будучи связанными общими целями. Об этом убедительно говорят события, развивающиеся в других министерствах и ведомствах.

Только для достижения поставленных целей в нашем конкретном случае крайне необходимо разрушить центр высшего горного образования России, приумноживший много миллиардное состояние трудом и горных профессоров и шахтеров России.

«Как это ни удивительно, но не имея ни руководства, ни оружия, ни техники или боевого снаряжения, население Карфагена прекрасно сражалось. Карфагеняне сражались на улицах и удерживали каждое высокое здание, пока его не поджигали

или не разрушали. Борьба велась день за днем в дыму и разрушениях...» (Лэмб Гарольд. Ганнибал. Один против Рима. 435-436 с.с.)

Будет ли разрушен Карфаген горных инженеров на Ленинском пр. д. 6 г. Москвы покажет ближайшее будущее. Для руководителей Минобрнауки и назначенных ими и.о. ректоров уничтожение интеллектуального центра горного дела России – это дело техники.

А выигрыш – почти как у «Рособоронсервиса».

Л.А. Пучков

Горный инженер

Член-корреспондент РАН

Ректор МГГУ (1987-2007 г.г.)

Президент МГГУ (2007-2012 г.г.)